

А. В. Головнёв

КОЧЕВЬЕ, ПУТЕШЕСТВИЕ И НЕО-НОМАДИЗМ*

УДК 397

ББК 63.51

Можно ли считать кочевника гипертрофированным путешественником, а путешественника — временным кочевником? Два параллельных проекта, «Антропология путешествий в этноисторическом контексте» и «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации», ориентированы на сопоставление и проекцию этих феноменов как в прошлое, так и на современный всплеск нео-номадизма. При очевидных различиях их объединяет путь и мобильность. В кочевой культуре понятие «путешественник» сродни трюизму, поскольку состояние пути — обыденность, и путь тождествен мотиву. Кочевник непринужденно преодолевает границы и превращается из посетителя в покорителя. Если кочевника рассматривать не как тупиковую ветвь, а как естество человека и его потенциала (кстати, человечество и родилось в кочевье), то номадология предстанет направлением, раскрывающим механизмы динамики и статики в человеческой истории и культуре, причем как в прошлом, так и в будущем.

Ключевые слова: *кочевник, путешествие, нео-номадизм, антропология, движение, мобильность*

Любопытство, агрессия, фантазия, алчность, похоть, скука, отчаяние, зависть, подражание, послушание, страх, трезвый расчет, пылкая любовь, проектное мышление, инстинкт... Что толкает человека в путешествие, под которым обычно подразумевается мотивированный выход за пределы обжитого пространства и узнавание другого мира? При этом путь оказывается не только траекторией, но и образом нового хронотопа. Спектр поведенческих стратегий от «домоседа» до «странника» определяется гендерными, возрастными, ментальными установками и ситуативными реакциями. Путешествие соотносится с мерой и манерой контроля над пространством-временем.

Пристрастие к простору, подражание предкам, уют в движении, привычка к действию, ритм орды, забота о стаде, учет пастбищеоборота, борьба за пространство, удаль, инстинкт хищника, боязнь оседлости... Что заставляет кочевника быть всю жизнь в пути, пренебре-

гая покоем и статичным уютом? Для всех кочевников неприятие оседлости — одновременно ощущение и убеждение: у крымских татар в XVII в. было проклятием пожелание жить по-христиански оседло и нюхать собственные нечистоты;¹ ненцы-кочевники до сих пор совершают ритуальное очищение *нибтара* после посещения поселка.

Эти две темы, о кочевниках и путешественниках, объединены антропологией движения² и разрабатываются по параллельным проектам, поддержанным грантами РГНФ «Антропология путешествий в этноисторическом контексте» и РНФ «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации». Можно ли считать кочевника гипертрофированным путешественником, а путешественника — временным кочевником? При очевидных различиях их объединяет феномен пути и мобильности.

В кочевой культуре понятие «путешественник» сродни трюизму, поскольку состояние пути — обыденность, и путь тождествен мотиву. Кочевник непринужденно преодолевает границы и превращается из посетителя в покорителя. «Открытая» ментальная карта располагает к власти над чужим пространством.

Головнёв Андрей Владимирович — чл.-корр. РАН, г.н.с. сектора этноистории Института истории и археологии УрО РАН, зав. кафедрой археологии и этнологии УрФУ (г. Екатеринбург)
E-mail: Andrei_Golovnev@bk.ru

* Исследование выполнено по гранту РНФ № 14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» и гранту РГНФ № 14-01-00413 «Антропология путешествий в этноисторическом контексте»

¹ См.: Витсен Н. Северная и восточная Тартария. Т. I–II. Амстердам, 2010. С. 706.

² Головнёв А. В. Антропология движения: историческая методология и гуманитарная технология // Вестн. РАН. 2011. Т. 81. № 8. С. 700–706.

Кочевник «все свое носит с собой», в том числе жилище, стадо и имущество, поэтому он всегда и всюду дома, в какой бы стране в пределах своей кочевой ойкумены ни оказался.

Еще недавно номадизм рассматривался как архаизм, с которым (в стиле модернизационных концепций XX в.) следовало поскорее покончить, осчастливив кочевников «переводом на оседлость». Искренняя убежденность в том, что номады — рудимент цивилизации, дополненная стремлением упрочить контроль над их территориями, настраивала чиновников разных стран, в том числе СССР, на строительство больших поселков, культурбаз, школ-интернатов для оседания кочевников. И только завидное упорство и приверженность номадов собственным ценностям позволили им устоять перед административными нажимами и соблазнами оседлости.

Сегодня многое изменилось. С одной стороны, «успешные» опыты перевода на оседлость обернулись «драмой поселков» с их депрессивностью, маргинальностью, отсутствием занятости и полноценной самореализации (особенно мужчин) — в отличие от «здоровой тундры» или «здоровой степи», по-прежнему дающей образцы культурной и экономической состоятельности, человеческого достоинства и успеха. С другой стороны, на рубеже XX–XXI вв. в мире распространилась мода на нео-номадизм, чему в немалой мере способствовал бум туризма, кибер- и медиа-путешествий; «новыми кочевниками» стали называть себя «люди сети» (кибер-номады) и «транслокальных культур» (вроде *Techno* и *New Age*),³ а также представители политического и делового истеблишмента, мигрирующие по миру в своих бесконечных вояжах. Правда, речь идет больше о виртуальности и метафорах, чем об устойчивых социальных явлениях, и о кочевьях-путешествиях с комфортом, но сам дух мобильности изменил отношение к феномену движения и номадизма, востребовав, обновив и популяризовав опыт кочевников.

Среди форм современного движения (путешествия) различаются: (1) «телесное путеше-

ствие» людей для работы, отдыха, семейных дел, удовольствий, миграций, бегства, организованные в виде контрастных пространственно-временных модальностей (от ежедневного передвижения до раз-в-жизни переезда); (2) «физическое движение» вещей между производителями, потребителями и торговцами, посылка и получение подарков и сувениров, а также собирание и (ре)конфигурация людей, вещей и пространств в обустройстве жизни; (3) «воображаемое путешествие», осуществляемое посредством разговоров, а также образов мест и людей, отображающихся и движущихся в многочисленных печатных и визуальных медиа; (4) «виртуальное путешествие», часто в реальном времени, которое делает возможным присутствие и действие на расстоянии, преодолевающее географические и социальные дистанции (вроде интернет-банковского трансфера или участия в виртуальной конференции); (5) «коммуникационное путешествие» в межперсональных контактах через непосредственное общение, сообщения, письма, телеграф, телефон, факс и мобильную связь.⁴

Если кочевника рассматривать не как тупиковую ветвь, а как естество человека и его потенциала (кстати, человечество и родилось в кочевье), то номадология предстанет направлением, раскрывающим механизмы динамики и статики в человеческой истории и культуре, причем как в прошлом, так и в будущем. Иначе говоря, кочевник становится интересен не только как образчик экзотики, но и как образец энергии и движения, исконно присущих человеку и человечеству. Этот подход в корне меняет отношение к кочевникам, их культуре, технологиям, мотивациям. Вопрос состоит уже не в том, как научить кочевника правильно жить, а в том, как у него научиться философии номадизма и «комфорту в движении».

Явлению «нового кочевника» предшествовали перемены в отношении путешествия и жизненных ценностей вообще. З. Бауман отметил случившийся недавно с человечеством ментальный дрейф «от пилигрима к туристу» (от модерна к постмодерну) как переход от мечты к реальности, от долговременной стратегии к оперативной ситуативности, от строительства будущего к продлению настоящего, от романтической любви к пластичной сексуальности, от целостности времени к фрагментации

³ Э. Д'Андреа полагает, что исследование нео-номадизма с его текучестью (*fluidity*), изменчивостью (*changeability*) и рефлексивностью (*reflexivity*) открывает новый ракурс культуры глобализации, образцы поведения «новых кочевников» (транслокальных контркультур), замещающие локальность версиями глобального нео-номадизма (*global neomadism*) (см.: D'Andrea A. *Neo-Nomadism: A Theory of Post-Identitarian Mobility in the Global Age* // *Mobilities*. 2006. Vol. 1, № 1. P. 95–119).

⁴ Büscher M., Urry J. *Mobile Methods and the Empirical* // *European Journal of Social Theory*, 2009. № 12(1). P. 101–102.

на эпизоды, от вечных ценностей к мгновенному устареванию информации. Жизненная стратегия постмодерна состоит не в фиксации идентичности, а в обретении качества *fitness* — гибкой адаптивности и вариативной идентичности.⁵

Все, что вчера достигалось подвигами и открытиями, сегодня включено в меню и доступно в качестве услуги. Не только заморские страны, но и любой полюс планеты, пучина океана и даже космос — все в ассортименте, вопрос лишь в состоятельности «туриста». Современный потребитель склонен к пересчету «чудес света» в единицах услуг — ментальность туриста настроена на потребление, которое расколдовывает и обмирщает культурные ценности (прежняя ментальность паломника предполагала приобщение к шедеврам культуры с трепетом и пиететом). Это принципиально меняет характер путешествия и путешественника. Включенность планеты в меню не только лишает ее дикости и непознанности, но делает ее «годной к употреблению» — современный турист взирает на чужие ценности уже по-хозяйски.

Прежде в оседло-европейской традиции путешествие было сродни подвигу и предполагало особую мотивацию пересечения границ, при этом чужой мир представлялся чуть ли не изнанкой своего. Въезжая в 1253 г. во владения монголов, Гильом де Рубрук писал: «Мне совершенно представилось, будто я попал в какой-то другой мир» (вскоре последовало дополнение: «мне показалось, что мы переступили ворота ада»).⁶ Путь вырывал европейца из привычных социальных уз, вызывая то восторг свободы, то тоску по дому, чередуя познание других и себя (европеец не может не смотреться в зеркало). Значимость путешествия выражалась в самоиспытании и наращении социального статуса — южноевропейский путешественник XV в. мог, подобно итальянцу Кириако из Анконы, добиться признания в среде интеллектуальной элиты или, подобно испанцу Перо Тафуру, доказать свое благородное происхождение.⁷ Возвращался он уже в новом качестве, будто перерождаясь в

путешествии. Это свойство пути сыграло ключевую роль в эпоху великих географических открытий, когда подобная мотивация охватила не единичных искателей, а обрела вид ментальной и социальной лихорадки.

На закате Средневековья европейцы утвердили за собой право покорять и присваивать чужие территории по «божьей воле» (например, по благословению папы) и под видом «миссии белого человека». Сегодня путешественник-потребитель не столь бесцеремонен, но вполне привычен и обычен в других странах. Со своим оплаченным правом вторжения в чужие пространства он больше напоминает убежденного в отсутствии границ кочевника, чем взламывающего границы конкистадора. Замещение пограничья трансграничем в какой-то мере возвращает современного человека к предковой ментальной карте кочевника, и в этом измерении человечество обращается к своим кочевым корням.

Для понимания ценностей и алгоритмов номадизма актуально изучение практик «естественных кочевников», сохранившихся на Российском Севере. В этом состоит цель проекта «Мобильность в Арктике», ориентированного на изучение потенциала северного номадизма и «дизайна кочевий» в трех моделях — ненецкой, саамской и чукотской. Механизм движения, заложенный в системах миграций кочевников Арктики, с одной стороны, воспроизводит универсальный древний алгоритм освоения человеком планеты, с другой — многообразно применим в новейших стратегиях мобильности.

С физической мобильностью кочевников Арктики парадоксально, на первый взгляд, сочетается стабильность культурных традиций и этнических ценностей. Вместе с тем кочевые культуры Арктики обладают гибкой адаптивностью к экологическим и социальным воздействиям; например, в XVI–XVIII вв. по тундрам Евразии прокатилась «оленеводецкая революция», превратившая охотников в оленеводов. Включенные в состав государств Скандинавии и России, арктические культуры адаптировались к межэтническому диалогу и внешним формам управления, сохранив свои приемы контроля над пространством. В последние десятилетия оленеводы Севера Евразии в разной степени успешно адаптировались к новейшим технологиям коммуникации, управления, информации, дав впечатляющие примеры неотрадиционного развития

⁵ Baumann Z. From Pilgrim to Tourist — or a Short History of Identity // Questions of Cultural Identity. London, 1996. P. 20–25.

⁶ Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993. С. 79, 93.

⁷ См.: Белорусова С. Ю. Кириако из Анконы: путешественник эпохи Возрождения // Урал. ист. вестн. 2011. № 4 (33). С. 124–130.

культуры, экономики и самоуправления (сообщества арктических кочевников породили выдающихся лидеров коренных народов Севера регионального, национального и международного уровней).

Соотношение традиций и новаций, коренных и пришлых культур на Севере обычно рассматривается как конфликт ценностей и интересов. В действительности это взаимодействие насыщено встречными воздействиями и заимствованиями, своего рода стимулирующей конкуренцией. Многие технологические новшества, прежде всего транспортно-навигационные, не разрушают, а развивают кочевую культуру. Многие традиционные технологии жизни-в-движении представляют собой ресурс для обогащения современных стратегий освоения Арктики. Становление дискурса о понятиях движения и технологиях мобильности, от физических до виртуальных, имеет особое значение для Севера с его коренными кочевниками и подвижными мигрантами, в том числе вахтовиками и туристами. В «северном измерении» России уместно осмысление и применение стратегий арктического номадизма, в том числе полиритмичной мобильности, этики минимализма, принципа полифункциональности, энергоэкономии и других актуальных для современности традиций коренных северян. Северная мобильность, включая номадизм, исторически и по сей день является базовым принципом освоения Российской Арктики.

Для детального изучения технологий номадизма нами апробирован и используется новый метод записи движения, условно обозначаемый ПКД — путь–карта–действие (tracking–mapping–acting) и фиксируемый в виде трех документов: (а) GPS-запись (трек) передвижений человека в течение дня; (б) карта кочевий в течение года/сезона; (в) видеофоторяд движений/действий. Новшество состоит в применении современных инструментов в сфере, где прежде довлело текстовое описание. Запись движения средствами GPS-мониторинга с попутным визуальным сопровождением позволяет наглядно передать «анатомию мобильности». Это своего рода анимация деятельностного пространства, где та или иная практика выглядит как последовательность/схема действий, персонализированных конкретным человеком. Комплекс исследовательских методов включает замеры движения посредством визуальных средств и GPS-навигатора, моделирование

ментальных карт кочевников, а также дизайн кочевого пространства.

Трек дневного пути на карте дополняется характеристиками (1) основного занятия в течение дня, (2) ритма и эпизодов действия, в том числе пауз, (3) снаряжения и инструментария, (4) взаимодействия с партнерами, (5) исполнения задач и самостоятельных решений, (6) местности, (7) погоды. Действия фиксируются фото- и видеорядом, при этом желательно визуальное отображение всех характеристик движения/действия. Мера полноты этих характеристик определяется ситуативно с учетом внешних (например, климатический эксцесс на Ямале весной 2014 г.) и внутренних (например, самочувствие кочевника) обстоятельств.

В идеальном варианте синхронная запись треков всех обитателей стойбища дает полную картину движения/деятельности кочевой группы, по которой можно определить общий ритм и напряженные эпизоды деятельности, узлы и сгустки коммуникации, роль лидера в организации и направлении движения/действия. Впрочем, абсолютно полная картина кочевья/стойбища предполагает также запись треков животных (оленей, собак), вещей, а также соседних кочевых групп. Этот абсолют труднодостижим и даже избыточен, поэтому целесообразна запись отдельных треков и их сопоставительно-обобщающий анализ. Важна запись «типичных» треков кочевого сообщества — мужчин и женщин, взрослых и детей, исполнителей разных функций.

Мобильность кочевников многообразна в гендерных, возрастных, статусных, сезонных, пространственных вариациях. Например, у ненцев Ямала трек бригадира отличается от трека обычного пастуха большей протяженностью, поскольку он не только окарауливает стадо, но и осматривает окрестности для оптимизации режима выпаса и миграций. У чукчей в период августовского сбора оленей оленеводы распределяются на караульщиков основного стада и искателей отколовшихся групп, чьи треки существенно рознятся. Кроме того, на Ямале и на Чукотке разительно отличаются треки мужчин и женщин (последние сконцентрированы на стойбище).

Стойбищное пространство предполагает совмещение методов этнографии и дизайна, поскольку является средоточием вещей и сгустком коммуникации. При минимализме материальной культуры кочевников особое

значение имеет полифункциональность вещей, их распределение в пространстве и режим их использования. В кочевом обществе у вещей есть свой распорядок движения, и их циркуляция в хронотопе представляет самостоятельный интерес. Для выявления того как движение вещей соотносится с движением людей целесообразно картографирование вещей на стойбище и отслеживание частоты их применения. Это соотношение показывает, как снаряжение и оборудование обеспечивает кочевье и движение в целом.

Картографирование дает представление о системе движения в разных масштабах, от схемы годичных миграций (общий план) до карт сезонных перекочек (средний план) и топографии отдельных стоянок, стойбищ, пастбищ (крупный план). Общий план показывает, помимо маршрута, контакты кочевников с полуседлым промысловым и оседлым поселковым населением — сеть взаимодействия всех этих групп. Выявление структуры передвижения, особенностей мобильности разных групп и характера их контактов (кооперации, конкуренции, коалиции по отношению к внешним агентам) необходимо для понимания стратегии и мотивации мобильности.

Свод треков дает картину насыщенности жизненного пространства движением/деятельностью. Картографирование треков ямальских ненцев показывает, что каждая стоянка оленеводов является центром окружности с радиусом не менее 5 км, внутри которой оленеводы пасут оленей, стараясь при каждом окарауливании двигаться посолонь (по солнцу), благодаря чему складывается «лепестковый дизайн» движения стада. Проекция этой геометрии движения на весь ход кочевий в тундре Я-Сале, от Сеяхи до Карского моря (при вычисленном экспериментально радиусе выпаса), дает примерную (идеальную) картину необходимой площади и конфигурации пастбищ. Эта карта является своего рода ответом на распространенное представление

о том, что тундра бескрайняя и места в ней с избытком, а также корректирует визуальный стереотип, в котором маршруты кочевий рисуются линиями и стрелками. В действительности кочевой маршрут оленеводов — не линия, а кружево, охватывающее огромные площади, к тому же динамично обновляемое в зависимости от конкретных погодных и производственно-бытовых ситуаций.

Этнографическое исследование мобильности включает не только непосредственное полевое наблюдение с применением специальных методик записи, но и феноменологическое (герменевтическое) восприятие и толкование модулей мотивов-решений-действий. Этот алгоритм согласуется с ментальной картой кочевников, схемой их передвижений и действий в пространстве-времени (у кочевников эти категории синтезированы). Для постижения кочевого движения этнографу и дизайнеру недостаточно наблюдать, а необходимо сопереживать состояния движения, особенно в его критических эпизодах.

Опора на феномен движения нова в науке и прикладных экспертизах, поскольку прежде не существовало разработанной методологии документирования и анализа жизненной мобильности. Появление этих методов во многом связано с недавно открывшимися возможностями визуальной записи и презентации. В прошлом в гуманитарных науках акцент делался на фиксированных внешних формах и логически противопоставленных состояний (в том числе «культур», «идентичностей», «интересов»); ныне, в предлагаемой системе методов антропологии движения, акцент смещен на общий для всех северян потенциал движения-действия, предполагающий оптимизацию (дизайн) ролей и функций в реальном взаимодействии. Опыт записи движения ненцев, саамов и чукчей не только открывает новые ракурсы жизни и культуры арктических кочевников, но и позволяет заимствовать их алгоритмы в практике нео-номадизма, в том числе северного.

Andrei V. Golounev

Member of the RAS, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: Andrei_Golounev@bk.ru

MIGRATION, TRAVEL, AND NEO-NOMADISM

Could a traveler be viewed as super-traveler and a traveler as temporal nomad? Two parallel projects, "Anthropology of travel in ethnohistorical context" and "Arctic mobilities: ethnic traditions

---

and technological innovations,” faces these phenomenon in comparison and projection on current outburst of neo-nomadism. Despite of their obvious differences they are linked by route and mobility. In nomadic culture a notion of “traveler” is akin to truism since the status of route here is commonness, and the route is identical with motive. A nomad easily passes the borders and turn from visitor into vanquisher. If nomadism is seen as nature of human (remembering that human-kind was born in migration), rather than archaism, then the nomadology is to be a clue opening mechanisms of dynamics and statics in human history and culture, both in past and future.

Key words: *movement, nomad, travel, neo-nomadism, mobility, anthropology*

REFERENCES

- Baumann Z. Questions of Cultural Identity. London: Sage Publication, 1996, pp. 18–36. (in English).
- Belorussova S. Yu. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* (Ural'skij istoriceski vestnik), 2011, № 4 (33), pp. 124–130. (in Russ.).
- Büscher M., Urry J. *European Journal of Social Theory*, 2009, № 12(1), pp. 99–116. (in English).
- D'Andrea A. *Mobilities*, 2006, Vol. 1, № 1, pp. 95–119. (in English).
- Golovnev A. V. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* (Herald of the Russian Academy of Sciences), 2011, Vol. 81, № 8, pp. 700–706. (in Russ.).
- Rubruck W. *Puteshestviya v Vostochnye strany Plano Karpini i Giloma de Rubruka* [Travel to Eastern countries Plano Carpini and William of Rubruck]. Almaty: Gylm Publ., 1993, pp. 75–173. (in Russ.).
- Witsen N. *Severnaya i vostochnaya Tartariya* [North and East Tartary]. Amsterdam: Pegasus Publ., 2010, Vol. 1–2, 1225 p. (in Russ.).